

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

РЕДКИЙ ТИП МУЖЧИНЫ

ТЫ - МОЕ СОЗВЕЗДИЕ

МОЯ ВТОРАЯ ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

ВСЕ ПОПРАВИМО, ЕСЛИ ЛЮБИШЬ

АНДРЕЙ
РОММ

ВСЕ ПОПРАВИМО, ЕСЛИ ЛЮБИШЬ

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р70

Оформление серии *С. Груздева*

Ромм, Андрей.

Р70 Все поправимо, если любишь : [роман] / Андрей Ромм. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Колесо фортуны. Романы Андрея Ромма).

ISBN 978-5-699-89320-1

«Любимый» – это когда хочется бежать навстречу, раскинув руки, даже если расстались всего на час. «Любимый» — это когда сердце бьется так, что вот-вот выпрыгнет из груди... Такого человека в жизни Елены, увы, не было. Случались любовники. Но это не одно и то же. Поэтому всю свою нерастрченную нежность обратила она на ребенка. Растить в одиночку всегда непросто. Особенно сына. Но, к счастью, отношения матери и Ромки строились на доверии и заботе друг о друге. Это и сыграло с ними злую шутку. Мальчик стал объектом преследования. Семь пар железных сапог стоптать, семь железных посохов изломать — на все готова Елена, чтобы защитить своего сына. Она пока не знает, что судьба воздаст сторицей тем, кто готов все отдать ради счастья любимого.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ромм А., текст, 2016
ISBN 978-5-699-89320-1 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

«Если положение пасьянса
стало безвыходным, тогда
с оставшимися картами повто-
ряют игру...»

*Книга гаданий и пасьянсов,
1900 год*

1

У ефрейтора Лощинина было прозвище Медведь. Новички удивлялись, потому что ничего медвежьего в поджаром и гибком Лощинине не было. Он скорее напоминал рысь, и глаза у него были рысьи, зеленые с золотыми искорками. Новичкам объясняли, что Лощинин любит придавить подушку. В свободное время кто байки травит, кто в карты режется, кто письма пишет, а Лощинин спит. Потому и Медведь. Умен ефрейтор — сам спит, а служба идет. Сказал бы кто, что до призыва Саше Лощинину было жаль тратить время на сон, что ложился он поздно, а вскакивал рано, так не поверили бы. А зря. Спать Саша полюбил только в армии, потому что сны уносили его домой, в родной Рогачевск, к Лене. Если бы Лена не снилась, то и спать было бы незачем. В снах Саша гулял с Леной по набережной, катал ее на мотоцикле, целовался с ней... Примерно раз в неделю он получал от Лены письмо. Тоже во сне. Наяву она не писала.

Не получив ответа на двенадцатое письмо, он сообразил, что к чему, и отправил тринадцатое не напрямую, а через лучшего друга Борьку Бакланова. Спустя три недели пришел ответ. Борька доложил, что передал письмо Лене

АНДРЕЙ РОММ

в руки. Саша предупредил, чтобы Борька не вздумал отдавать письмо Лениной матери. Сашу она терпеть не могла, считала «неподходящей партией» и не стеснялась заявлять это в глаза. Как же! Мать Лены — директор школы, а отец — главный инженер хлебокомбината, интеллигенты при должностях, можно сказать, дворяне, а он — плебей, безотцовщина, сын торговли квасом. Лена смеялась, говорила, что мама у нее милая, но с чудинкой. Хороша чудинка! Чудинка — это когда человек ночью на звезды в бинокль глядит или замки из спичек строит, а чванство — отнюдь не чудинка.

Борька передал Лене восемь писем, которые тоже остались без ответа, а девятое прислал обратно. Написал, что Лена его не взяла — отвернулась и прошла мимо. А еще написал, что несколько раз видел Лену с Мишкой Баранником, сыном главного врача городской больницы. Мишка давно пытался ухаживать за Леной, но при Саше далеко не продвинулся. Лена его всерьез не воспринимала, и Саша однажды поговорил с Мишкой по-мужски, с глаза на глаз. Мишка взбрыкнул, обложил Сашу матом, начал махать руками и ногами, но он быстро доказал ему преимущество регулярных занятий боксом в спортивной секции над пижонским карате. А теперь, значит, Мишка воспрянул духом, распустил хвост и начал навестывать упущенное. Лениным родителям он конечно же нравится. Человек их круга — сын главврача и заведующей сберкассой. Поступил в Твери в медицинский, будет врачом, как папаша. А Лена, при всей ее самостоятельности, все же ма-

ВСЕ ПОПРАВИМО, ЕСЛИ ЛЮБИШЬ

мина дочка. Мать для нее высший авторитет. Они целыми днями вместе, и мать контролирует каждый Ленин шаг. После того как Лена срезалась на вступительных экзаменах в МГУ, мать устроила ее к себе в школу помощницей библиотекарши. Саша часто видел во сне, как Лена с матерью утром вместе идут на работу, а вечером возвращаются домой. Обе высокие, рыжеволосые, красивые, очень похожие... Только стрижки разные: у матери короткая, «начальственная», а у Лены рассыпан по плечам солнечный водопад локонов. И взгляды тоже разные. Лена смотрит на мир широко раскрытыми глазами, доверчиво-восторженно, а мать слегка щурится и сверлит, сверлит взглядом, зрит насквозь, ничего от нее не скроется. Директор лучшей школы в городе. Мать лучшей девушки на свете...

После того как Борька вернул Ленино письмо, Саша решил сделать паузу. До отпуска. Лицом к лицу объяснить легче, чем в переписке. Саша был уверен, что им и объясняться не придется. Просто посмотрят в глаза друг другу, и Лена все поймет. Не сможет не понять.

С отпуском никак не складывалось, потому что в части меняли старую боевую технику на новую, и каждый человек был на счету. Процесс растянулся на несколько месяцев, но все когда-нибудь кончается. В день отъезда Саша получил письмо от Борьки. Короткое, из нескольких предложений. Обычно друг исписывал по три листа, передавая все городские новости, вплоть до самых незначительных. Прочитаешь, и складывается ощущение, будто никуда из родного города не уезжал. А тут: «Привет, Сань! Как служба?

АНДРЕЙ РОММ

Знаешь, Лена передала мне записку для тебя. Будь здоров! Борис».

Обрадовавшись так, что даже голова закружилась («Записка! От Лены!»), Саша развернул сложенный вчетверо лист. Развернул и замер, будучи не в силах поверить своим глазам. «Чем раньше ты забудешь о своих чувствах, тем лучше будет для тебя, потому что эти чувства ненастоящие». Одна-единственная фраза, точка в конце, и ничего больше — ни обращения, ни подписи. Но почерк, вне всяких сомнений, был Ленин, бисерный, четкий, с маленькими промежутками между словами. Лена не назвала его по имени, не подписала записку и не захотела ничего объяснять. Даже «извини» не добавила — обидно.

— Ты — уникам, Лощинин, — сказал командир роты. — Сначала из кожи вон лез, чтобы в отпуск пораньше уехать, а теперь вообще ехать не хочешь. Что случилось?

— Передумал, товарищ капитан, — коротко ответил Саша, не желавший вдаваться в подробности.

Подробностей командир роты не требовал. Передумал так передумал.

С того дня ефрейтор Лощинин резко разлюбил спать. Напрашивался на ночные дежурства (товарищи многозначительно переглядывались и вертели пальцами у виска — дошел человек), если не дежурил, то старался засыпать как можно позже, после отбоя читал украдкой или просто лежал с открытыми глазами и думал о разном, но только не о Лене. Но она все равно продолжала сниться. Во сне Саша ей радовался, а проснувшись, злился на себя за слабость.

ВСЕ ПОПРАВИМО, ЕСЛИ ЛЮБИШЬ

Мужчины не должны так себя вести. Ни к чему вспоминать то, что прошло. Ни к чему думать о том, что не сбылось. Отрезано так отрезано.

Ленину записку Саша зачем-то сохранил. Много раз собирался порвать или даже сжечь (зачем хранить то, что больно ранит?), но так и не смог. Рука не поднималась. Перечитывать тоже не хотелось — больно, да и незачем. И так все слова намертво врезались в память, как высеченные на камне. «Чем раньше ты забудешь о своих чувствах, тем лучше будет для тебя, потому что эти чувства ненастоящие». Как она могла? Кто дал ей право судить о его чувствах? Ненастоящие! Ладно, если она так считает, так тому и быть! Пусть чувства будут ненастоящими! Ненастоящее быстро забывается. Он все забудет. Он сможет. Хотя бы потому, что у него нет другого выбора.

Когда Саша вернулся домой после дембеля, Лена уже жила в Москве, училась в педагогическом институте. Саша до армии тоже собирался учиться в Москве, но сейчас решил поступать в университет в Саратове, где жил его армейский товарищ Раис Коньшев. Если в городе есть хотя бы один друг, то город уже не чужой. Матери объяснил, что в Саратове проще поступить, да и жизнь там дешевле, чем в столице. На самом же деле ему не хотелось учиться в одном городе с Леной. Вдруг они случайно встретятся, и Лена подумает, что... Вдруг от этой встречи полыхнет в душе пламя... Нет, если уж вычеркивать из жизни, так совсем. Навсегда.

АНДРЕЙ РОММ

2

Колокольчик, висевший на стене, звякнул два раза, оповещая о приходе важных гостей. Собственная сигнализация в кафе, в отличие от охранной, была механической — от барной стойки в директорский кабинет по искусно скрытому в панелях каналу тянулся тросик. Все, в том числе и сотрудники, считали, что хозяйка выдерживает единство стиля. Колокольчик с тросиком больше подходит к интерьеру девятнадцатого века, нежели электрический звонок. На самом деле причина была иной, глубоко личной. Елена предпочитала обходиться без электричества там, где это было возможно. Дома у нее вместо дверного звонка висело на входной двери тяжелое чугунное кольцо-стучалка, купленное на блошином рынке в Твери. Воду она кипятила на газовой плите в допотопном эмалированном чайнике, кофе варила в джезве. Навороченная кофеварка, похожая не на кухонный агрегат, а скорее на прибор из фантастической лаборатории будущего, включалась только по приходе человека, подарившего ее Елене на день рождения. «Лучше бы в Питер пригласил на пару дней», — подумала Елена, увидев на пороге любовника с огромной коробкой в руках, но приличествующий моменту восторг изобразила настолько убедительно, что он вдохновился и пообещал в качестве новогоднего подарка микроволновку. Елена ужаснулась (не притворно, а по-настоящему) и выложила все, что когда-либо читала или слышала о вреде СВЧ-излучения. Дело опять же было не

ВСЕ ПОПРАВИМО, ЕСЛИ ЛЮБИШЬ

в излучении, а в принципе, точнее, в ее личной странности, уходящей корнями в далекое прошлое. Но это было настолько личным, что им невозможно с кем-то делиться. Даже с сыном. Даже с любимым человеком. Впрочем, «любимым» Елена называла только одного человека, очень давно. Остальные были любовниками. Среди них попадались вполне хорошие, приятные во всех отношениях люди, но ни одного из них нельзя было назвать «любимым». «Любимый» — это когда подумаешь о нем и пасмурный день превращается в солнечный. «Любимый» — это когда свой и навсегда. «Любимый» — это когда хочется бежать навстречу, раскинув руки, даже если расстались всего на час. «Любимый» — это когда сердце бьется так, что вот-вот выпрыгнет из груди...

Проходя мимо висевшего на стене зеркала, Елена на секундочку остановилась, проверяя, все ли в порядке у нее с внешним видом. Секундочка растянулась на целых пять, потому что невозможно было не полюбоваться собой, такой стройной, красивой (чего стоили одни глаза, которые мама называла «небесно-голубыми!»). Кольнуло сожаление о давно остриженных волосах, но Елена привычно напомнила себе, что длинная грива, какой бы роскошной она ни была, старит, а короткая стрижка всегда молодит. Со стрижкой она в свои тридцать четыре (ах, подумать только — тридцать четыре!) выглядит на двадцать пять. Ладно — на двадцать семь, но ни годом больше! На прошлой неделе, когда они с сыном шли по улице, какой-то незнакомый мужчина, видимо приезжий, сказал

АНДРЕЙ РОММ

Роме: «Какая красивая у тебя сестренка!» Явно хотел познакомиться... Простодушный Рома поправил: «Это не сестра, а мама». Мужчина смутился. Елена потом шутила: «Ты мне всех женихов так отобьешь!»

Не отрывая взгляда от зеркала, она вздернула кверху подбородок, повертела им влево-вправо и вернула в исходное положение. Шея в порядке, значит — все путем. Ничто так не выдает возраст, как шея и руки. Но по поводу рук Елене еще рано было беспокоиться.

Колокольчик снова звякнул — «динь-динь-динь» — поторопись! «Неужели Сам приехал? — подумала Елена. — Тогда бы позвонили, Сам не любит приезжать без предупреждения...»

Принятые в городе правила хорошего тона требовали от директора заведения лично встречать высокопоставленных гостей. Не важно, что персонал, и без директора знавший, кто есть кто, окажет каждому положенное уважение, начиная с посадки за лучший столик и заканчивая скидкой. Важно, чтобы директор, она же хозяйка, вышла навстречу, поприветствовала, убедилась, что уважение дорогим гостям оказывается должным образом... И потом еще через полчаса надо появиться в зале и осведомиться, все ли в порядке. Иначе решат, что Гурбина зазналась, обидятся и начнут создавать проблемы. Самой Елене, как владелице лучшей едальни в городе, оказывалось примерно такое же уважение. В салоне красоты, в химчистке, стоматологической клинике и прочих местах к ней выходили хозяева-руководители. «Рады вас видеть, Елена Анатольев-

ВСЕ ПОПРАВИМО, ЕСЛИ ЛЮБИШЬ

на! Только сегодня о вас думали! Проходите, присаживайтесь...»

— Рада вас видеть, гости дорогие... — певуче начала Елена, но тут же осеклась, потому что состав гостей был необычным, а выражение их лиц отнюдь не благодушно-приветливым, а деловито-сосредоточенным, стало быть, пришли не отобедать, а по делу.

Принятые в городе правила хорошего тона предписывали проверяющим предупреждать о своем приходе заранее. Нельзя обрушиваться на хороших людей внезапно, подобно Батыеву войску, наскочившему на Рязань, это не по-людски. В небольших городах тому, чтобы все было «по-людски», придается очень большое значение.

Гостей явилось восемь, и состав их был довольно внушительным, если не грозным. Длинный, как жердь, заместитель начальника управления Роспотребнадзора Гусев, круглолицая начальница отдела санитарного надзора Кулькова, похожая лицом и повадками на суетливого хорька начальница отдела защиты прав потребителей Ермакова, броская красавица-блондинка, начальница отдела эпидемиологического надзора Сараева, ее заместитель Дергунов, пытавшийся компенсировать свою молодость чрезмерно напыщенным видом, дородный и весь из себя основательный заместитель руководителя межрайонного следственного отдела Запрудин, знакомый Елене в лицо, но незнакомый по имени капитан полиции и корреспондент редакции «Рогачевские вести» Маша Щерба, девушка с лицом доверчивого ребенка и въедли-

АНДРЕЙ РОММ

востью старого следователя. Суммарный «должностной вес» пришедших превышал по значимости визит мэра города.

Сердце Елены тревожно сжалось. Сильнее всего ее обеспокоило присутствие Маши. Маша появилась в кафе «Старый город» впервые. Она предпочитала более современные заведения, такие, например, как клуб «For Sale», в обиходе называемый «Форсой», или бар «Джельсо-Мимо». И еще Маша не писала хороших статей и не делала дружелюбных репортажей. Она считала, что на «сиропе» (так Маша называла все благожелательные и нейтральные материалы) карьеры не сделать. Чтобы выдвинуться, надо разоблачать, разносить в пух и прах, опускать ниже плинтуса. Но в то же время Маша, как и все жители города, соблюдала общепринятые правила хорошего тона — писала свои разгромные статьи с разбором, задевала только тех, кого можно было задевать. Иначе ее журналистская карьера оборвалась бы на старте.

— Здравствуйте, — сказала Елена уже обычным тоном. — Слушаю вас.

За спинами гостей бармен Гена пытался что-то выразить активной мимикой. Морщил лоб, двигал бровями, стрелял глазами туда-сюда, но смысла его безмолвного послания Елена так и не уловила.

Гости вяло покивали, отвечая на приветствие. Затем Запрудин и Гусев переглянулись, решая, кому начинать разговор. Запрудин коротко дернул лысой головой, Гусев откашлялся и сказал:

ВСЕ ПОПРАВИМО, ЕСЛИ ЛЮБИШЬ

— Мы к вам с проверкой, Елена Анатольевна. Остановите работу кафе и прикажите всем сотрудникам собраться в зале...

— Но... — Елена от удивления лишилась дара речи, ни одна проверка на ее памяти не начиналась подобным образом.

— Посетители могут спокойно доесть свой заказ. — Гусев перевел взгляд на угловой столик, за которым завтракали двое нездешних мужичков среднего возраста, не то откомандированные за кирпичом снабженцы, не то заезжие коммерсанты мелкого пошиба.

Других посетителей в кафе не было. Промежуток с одиннадцати до двенадцати часов считался «глухим» — завтракать поздно, обедать рано. Ежась под строгими взглядами пришедших, мужички в мгновение ока доели свой гуляш. Хлеб, которым были собраны с тарелок остатки подливки, они дожевывали уже на ходу. Гена тем временем сходил на кухню за поварами и посудомойкой, а вернувшись, запер входную дверь и повесил табличку «Закррито».

— Это все? — довольно недружелюбно осведомился Гусев, глядя на сотрудниц.

— Все, — ответила Елена, уже успев взять себя в руки, и добавила: — Лето, вторник, клиентов мало. Официантки придут в час. А в чем, собственно, дело?

— Дело! — хмыкнул Запрудин, доставая из кармана пиджака мятый платок. — Дело определено будет возбуждено, как только мы получим необходимые доказательства. По двести тридцать восьмой статье. Производ-